

ХРАМ-КРЕПОСТЬ

Николай Воронин,
академик

Николай Николаевич
Воронин

За полями вдали — село Кидекша. Так же как у Боголюбова, у него интересное древнее прошлое. Мы уже знаем, по каким мотивам здесь, на берегу Нерли, по соседству с устьем Каменки вырос княжеский укрепленный городок: как и Боголюбов-город он взял под свой надзор речной выход от Суздаля. Нерль была важнейшей жизненной артерией края: еще в XI веке в неурожайные голодные годы суздальцы ездили Нерлью за житом в далекие земли Булгарской державы. И здесь для оправдания решительного мероприятия — постройки княжеской крепости — потребовалось прибегнуть к помощи «небесных сил». Говорили, что именно на месте княжеского замка якобы было становище святых князей Бориса и Глеба, когда они ходили из Ростова и Муром на Киев, что и определило выбор места для княжеского городка. В этом был еще и другой смысл. Легенда о прикосновенности к суздальским местам первых русских святых поднимала церковный престиж Суздальщины, что имело немаловажное значение в борьбе за ее первенство среди русских княжеств.

Княжеский город одной своей стороной примыкал к сравнительно высокому берегу Нерли; с северо-запада

его прикрывали земляные валы с деревянными стенами — остатки их насыпей местами сохранились на крестьянских усадьбах (особенно около дома Состигалова).

Здесь была построена в 1152 году белокаменная церковь Бориса и Глеба. После виденных нами памятников древний храм производит исключительно сильное впечатление своей мудрой простотой и мощью. Он поставлен почти на краю обрыва Нерли, куда обращены его обнаженные апсиды. Белокаменная кладка стен еще не блещет утонченным мастерством, это усиливает суровое и властное обаяние скупых форм храма. Они как бы молчаливы и сосредоточены в своем величии. Где-то около храма стояли хоромы княжеского двора и рубленые дома придворной

знати с их службами. Среди серых бревенчатых построек резко выделялся видный издали с заречных полей и пологих высот белый куб дворцового собора. С севера и юга от храма к реке теперь спускаются два овражка; возможно, это места древних въездов в замок с пристани, тогда здесь следует предполагать древние проездные рубленые башни.

Храм перенес много невзгод. Видимо, на богатую княжескую усадьбу обрушились татары, так что в 1239 году ростовский епископ Кирилл должен был ремонтировать пострадавшее здание дворцовой церкви князя Юрия. Но следом за этим наступила пора запустения. Храм долго стоял без кровли, и его своды вместе с главой разрушились; катастрофа захватила восточную часть стен и верхи алтарных апсид. Лишь в XVI—XVII веках его починили, используя старый белый камень. Но восточную часть здания не восстановили, завершив храм новым, весьма плохо сделанным сомкнутым сводом и четырехскатной крышей с маленькой главкой, совершенно не отвечающими первоначальному облику замечательного памятника. Были также заложены хорошо видные и теперь

За полями, за холмами — древняя Кидекша

древние щелевидные окна и сделаны новые, а с запада в XIX веке пристроили притвор. Однако, вспоминая виденные нами древние храмы Владимира и Боголюбова, мы без труда дорисуем утраченные части и мысленно представим первоначальный облик здания.

По своему типу храм сходен с Покровом на Нерли и Дмитриевским собором: это также кубический, одноглавый трехапсидный храм, каких много строили в XII веке на княжеских дворах и городских улицах. Но сколь отличен образ этого здания от образа прославленных храмов Владимира и Боголюбова! Мы помним утонченную хрупкость и легкость основного ядра Покрова на Нерли, поэтичную и стройную ярусность его композиции с галереями, пышный и велеречивый резной убор Дмитриевского собора, воплотившего в камне пафос царственного могущества Всеволода III. Здесь, в Кидекше, все проще, массивнее и суровее. Объем храма почти кубичен, в нем нет ни стройнос-

ти Покрова на Нерли, ни мужественной слаженности Дмитриевского собора. Он спокоен и неподвижен. Могучие полуцилиндры апсид откровенно и внушительно выступают из тела храма. Над спокойными дугами закомар вздымалась такая же мощная, как апсиды, глава с черными щелями узких окон и шлемовидным покрытием из серебристого олова. На обнаженных белых фасадах, расчлененных на широкие доли плоскими лопатками, четко рисуются теневые пятна узких оконных амбразур, подобных крепостным бойницам. Столь же просты порталы, в них еще не выделены архитектурные элементы — базы, косяки, капители, архивольты; это, скорее, не порталы, а простые уступчатые обрамления входов. Поясок поребрика и аркатура на клинчатых консолях в уровне хор — единственная декоративная деталь, допущенная зодчим и подчеркивающая монументальность и лаконизм стеной плоскости. Такой же поясок или городчатый карниз украшал верх апсид

и барабана. Таков немногословный и ясный строй форм храма, покоряющий воображение своей силой и величавой простотой. Он крепко и недвижимо стоит на круче нерльского берега у самой стены княжеского города.

В суровости и сдержанности облика княжеского храма нашли отражение своеобразные условия времени Юрия Долгорукого. Борьба за возвышение Владимирского княжества только начиналась. Ее главными средствами были тяжелые походы на Киев и властное подавление внутренней боярской оппозиции. Меч война еще заменял духовный меч. Идейная борьба пока не развернулась во всей своей сложности и остроте. Монументальное искусство в эту пору пока стояло на втором плане княжеских дел, и огромная сила его эмоционального воздействия еще не была поставлена на службу широкой княжеской политике. Небольшие храмы новых Юрьевых городков, простые и несколько традиционные, полностью отвечали своим скромным задачам. Они овеяны суровым духом своего времени. В их мощной простоте и грозной неподвижности есть нечто роднящее храм с крепостью. В то же время в церкви в Кидекше есть известная демонстративность, сказавшаяся в постановке храма на береговой высоте, в его господстве над широким пространством, — качество, которое развили зодчие времени Андрея Боголюбского и Всеволода III в обстройке Владимира. Таковы основные черты внешнего облика храма в Кидекше.